

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

И.А. Карпенко

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИДЕАЛОВ КУРТУАЗНОЙ И ПЛАТОНИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о возможном (косвенном) влиянии идеала античной платонической любви на формирование куртуазных отношений средневековья. С учётом невозможности прямого влияния предпринимается попытка обнаружить общие значимые элементы. Такие элементы становятся заметными при сопоставлении текстов Платона («Пир» и «Федр») и ряда средневековых источников. Делается вывод о сходстве (возможно, идентичности) некоторых ключевых характеристик платонической любви и куртуазной любви (там, где в наименьшей степени проявилось влияние «Романа о Розе»). Привлекаются работы по проблеме таких специалистов, как В.Ф. Шишмарёв, Йохан Хёйзинга, Жак Ле Гофф, Жорж Дюби и др. Исследование опирается на метод сравнительного анализа текстов, метод исторического анализа и герменевтический метод (описание культурных практик соответствующих эпох через толкование литературных источников).

Новизна исследования заключается в том, что осуществляется попытка обнаружения культурных связей и преемственностей в тех областях, где они совершенно не очевидны, но, тем не менее, могут быть зафиксированы на примере однозначных свидетельств из первоисточников. Данная практика может применяться и в других областях науки для демонстрации либо факта культурного наследования, либо факта случайного формирования схожих ценностей в различных культурных средах.

Ключевые слова: трубадуры и труверы, Роман о Розе, *fine amour*, *amour courtois*, средние века, античность, платоническая любовь, куртуазность, провансальская поэзия, рыцарство.

Review. In this article Karpenko proposes the hypothesis on possible (indirect) influence of the ideal of ancient Platonic love on the development of courtly relations in the Middle Ages. Taking into account the fact that direct influence is impossible, the author makes an attempt to define their common features. Such elements become evident in the process of comparing Plato's texts (*Symposium* and *Phaedrus*) and a number of medieval sources. Karpenko concludes that there is a certain similarity (perhaps even identity) between some key features of Platonic love and courtly love (in the part when the influence of the *Roman de la Rose* is less). The author has also appealed to related resources of such experts as Vladimir Shishmarev, Johan Huizinga, Jacques Le Goff, Georges Duby, and others. The research is based on the method of the comparative analysis of texts, the method of the historical analysis and hermeneutical method (i.e. description of cultural practices of particular epochs through interpreting literary sources). The novelty of the article is caused by the fact that the author makes an attempt to discover cultural relations and continuity in the spheres where these relations and continuity are not evident but nevertheless can be recorded based on the example of definite proofs found in original sources. This practice may be applied to other spheres of sciences to demonstrate either a fact of cultural heritage or a fact of accidental creation of similar values in different cultural environments.

Keywords: *troubadours and trouveres*, *Roman de la Rose* (*Romance of the Rose*), *fine amour*, *amour courtois*, Middle Ages, *ancient world*, *Platonic love*, *courtesy*, *Provençal poetry*, *knighthood*.

1. Постановка проблемы

Настоящая статья посвящена в большей степени попытке обнаружить истоки (или, по крайней мере, аналогии) средневековой куртуазной любви в греческой античности. Здесь, разумеется, подразумеваются сочинения Платона, его программные в

этом плане диалогами «Пир» и «Федр». Основное возражение (и весьма справедливое) по поводу возможности такой связи заключается в том, что указанные тексты Платона были переведены на латынь и соответственно стали известны западноевропейской образованной публике только во второй половине XV в. благодаря усилиям Марсилио

Фичино. Т.е., провансальские трубадуры не имели никакого представления о взглядах Платона. Здесь можно сделать ответное возражение, что влияние в данном случае могло быть не прямое, не через литературу, а косвенное, через практику бытовых взаимодействий, как результат постепенного распространения определённого мировоззрения и связанных с ним культурных практик. Вполне вероятно, что определённые представления, регулярно практикуемые в быту, именно через этот самый быт распространились далеко за те пространственные и временные пределы, в которых они сформировались. Это положение может оставаться на уровне гипотезы, так как в задачи настоящего исследования не входит доказательство именно генетической связи, основная цель – показать, что есть общие элементы в представлениях о любви в учении Платона и у апологетов куртуазности. Что не удивительно, учитывая, что средневековая Европа так или иначе культурная наследница античности.

Другое возможное возражение указывает на то, что куртуазная любовь касается исключительно отношений противоположных полов. У Платона же (в указанных диалогах) ситуация обратная, и всё указывает на то, что по его мнению «настоящая» любовь может быть только между мужчинами. Но не следует возводить это в общее правило греческой античности: в древнегреческих мифах и трагедиях мы, как правило, находим описания любовных отношений именно между мужчинами и женщинами. Афродита и Адонис, Селена и Эндимион, Артемида и Ипполит, Медея и Ясон, Орфей и Эвридика, Зевс, Ниоба и Ио, и так далее – список очень огромен. Интересно, правда, что во всех этих примерах (за исключением Ниобы и Медеи, но и то с оговорками), женщины – не простые смертные. Здесь показательно, что в том случае, когда в античных источниках речь заходит о любви мужчины и женщины, дело в большинстве случаев касается не обычных смертных женщин, а обладающих особым статусом. Тем самым подчёркивалось, что обыкновенная женщина ниже мужчины (в духовном плане они не считались равными). Что же касается богинь, то, как заметила Николь Лоро¹, их вообще едва ли можно считать женщинами – они не люди и не личности. Медея в трагедии Еврипи-

да жалуется на дискриминацию по половому признаку², описывая низкое положение женщины в обществе. Из этого можно сделать вывод, что игнорирование женщин вызвано у Платона не столько сексуальными мотивами, сколько традиционными взглядами того времени об их духовной (интеллектуальной) ущербности. В любом случае гендерное акцентирование Платона может быть проигнорировано, поскольку основа что платонической, что куртуазной любви лежит скорее в идеальной области, чем в телесной.

2. Некоторые замечания о куртуазной любви

Нужно иметь в виду, что представления о куртуазной любви (*amour courtois*) и её практические реализации были очень разными в своём развитии, начиная XII в. и заканчивая поздним средневековьем. Влияние на развитие куртуазной любви, в разное время оказывала, вероятно, арабская поэзия³, сочинения провансальских трубадуров, французских труверов и немецких миннезингеров, христианская церковь, трактаты клириков и фривольно-учёные сочинения, вроде «Романа о Розе», а так же меняющиеся социально-экономические условия, трансформация быта двора и рост значения буржуазии. Поэтому крайне сложно было бы сказать про куртуазную любовь, что она есть однозначно то-то и то-то, и, напротив, это более легко сделать в отношении платонической любви. Тем не менее, конечно, есть некие общие характерные черты, свойственные куртуазии всего этого периода. Куртуазность это, в первую очередь, специфичное явление двора, отличает благородного от неблагородного, требует утончённости, которая может быть дана только подобающим воспитанием и образованием. Не случайно другое название куртуазной любви *fine amour* – утончённая любовь. И многие трубадуры, певцы высокой любви – это рыцари (как правило, из низших, необеспеченных слоёв дворянства). Были среди трубадуров и знатные дворяне: например, первым трубадуром считается (спорно) герцог Гийом де Пуатье (так же знатными были, например, Джауфре Рюдель и Бертран де Борн). С другой стороны, очень часто

¹ Лоро Н. Theos, Thea: Богиня // История женщин на Западе: в 5 т. Т. I: От древних богинь до христианских святых. М.: Алетей, 2005. С. 46.

² Еврипид. Медея // Древнегреческая трагедия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1993. С. 371.

³ Найман А.Г. О поэзии трубадуров // Песни трубадуров / Пер. со старопрованс., сост., предисл. и примеч. А.Г. Наймана. М.: Наука, 1979. С. 6.

трубадуры – это представители неблагородного сословия и в ряде случаев благородное сословие брало на вооружение романтический идеал, развитый стоящими ниже на социальной лестнице, теми, кто в принципе не соответствовал требованиям этого идеала. Трубадуры и жонглёры неблагородного происхождения, это, например: Бернарт Вентадорнский, Арнаут де Марейль, Гираут де Борнель, Сайль д'Эскола, Гаусельм Файдитдр и многие другие. Показательно, что в случае простого происхождения трубадура, его жизнеописание (и разо) часто выглядит довольно ироническим, например: «Гаусельм Файдит родом был из города под названием Юзерш Лимузинского епископата, и был он сыном одного из тамошних горожан. Пел он хуже всех на свете, зато хорошо слагал слова и напевы. Стал он жонглёром по такому случаю, что все свое состояние проиграл в кости. Был он муж превеликой щедрости, и охотник поест и выпить, отчего растолстел донельзя» и т.п.⁴

Надо учитывать, что идеал куртуазной любви допускает её существование и на таковой почве, где родовой аристократизм не играет слишком существенной роли. Как показал Шишмарёв⁵, в средневековой Италии этот идеал так же пользовался популярностью, будучи распространён в городской (не обязательно аристократической) среде. Со своей спецификой, конечно – в позднее средневековье главным понятием для высокой культуры Италии становится «virtúoso», которое включает тоже, что и позднесредневековая куртуазность, но является достоянием более широких слоёв городского населения. Хёйзинга в этой связи заметил, что при сравнении итальянского virtúoso с французским рыцарским идеалом (который лежит в основе куртуазности) «обнаруживается различие лишь в степени начитанности и во вкусе»⁶.

3. Платон о любви

Воспроизведём, для наглядности, некоторые важные тезисы, которые характеризуют любовь по Платону. Не должно быть препятствием то, что, в

случае «Пира» и «Федра», мы имеем дело с диалогами, высказыванием различных точек зрения различными людьми – как раз спорных моментов мы будем избегать.

Устами Федра в «Пире» Платон сообщает следующие положения:

- ничто не научит быть достойным лучше, чем любовь⁷;
- самое лучшее государство или войско было бы составлено из влюблённых и их возлюбленных⁸;
- «Умереть друг за друга готовы одни только любящие, причём не только мужчины, но и женщины»⁹ – момент, сопровождаемый примером любви Алкестиды, показывающий, что и женщины в мире древних греков тоже способны на истинную любовь;
- существует чёткое разделение на влюблённых и их возлюбленных – они неравноправны в том смысле, что первые выше вторых, хотя им служат;
- любящий выше любимого, потому что вдохновлён богом¹⁰, т.е. влюблённость – это божественная одержимость, которая возвышает влюблённого над простыми смертными и даёт ему особые привилегии;
- «люди ничтожные ... любят, во-первых, женщин не меньше, чем юношей; во-вторых, они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души...»¹¹ Надо понимать, что здесь главенствует не гомосексуальный мотив, как могло бы показаться, а характерный для того времени сексизм, утверждающий, что женщина по умолчанию духовно ниже мужчины, а настоящая любовь – дело высокодуховное, следовательно, она удел только мужчин.
- плох тот, кто любит тело, больше чем душу, так как любовь его непостоянна, так как тело увядает¹²;
- обычай требует, чтобы влюблённый долго домогался предмета любви, а тот уклонялся¹³;

⁷ Платон. Пир // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. 178 с.

⁸ Там же. 178е.

⁹ Там же. 179а.

¹⁰ Там же. 180б.

¹¹ Там же. 181б.

¹² Там же. 183е.

¹³ Там же. 184а.

⁴ Жизнеописания трубадуров / Пер. со старопрованс. М.Б. Мейлаха и Н.Я. Рыковой. М.: Наука, 1993. С. 100.

⁵ Шишмарёв В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Избранные статьи. Французская литература. М.-Ленинград: Наука, 1965. С. 219, 246.

⁶ Хёйзинга Й. Осень средневековья. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 122.

- позорно отдаваться ради денег, власти и прочих материальных бонусов (там же);
- любовь есть стремление к вечному обладанию благом, к совершенному¹⁴;
- любовь – стремление к бессмертию¹⁵;
- любовь служит средством духовного совершенствования¹⁶.

И далее в «Федре»:

- созерцание красоты (влюблённость) окрыляет и возвышает душу¹⁷;
- наивысшая любовь в духовном единении влюблённых и воздержании от телесных наслаждений – она приводит к тому, что «после смерти, став крылатыми и лёгкими, они одерживают победу в одном из трёх поистине олимпийских состязаний, а большего блага не может дать человеку ни человеческий здравый смысл, ни божественное неистовство»¹⁸;
- если влюблённые всё-таки предавались плотским страстям, но после смерти они бескрылые, но им всё же назначена светлая жизнь и шанс окрылиться за их преданную и высокую любовь¹⁹;
- если же имеет место интимная близость без любви, то после смерти тела «душа будет девять тысяч лет бессмысленно слоняться по земле и под землёй».

На этом можно остановиться в главных характеристиках идеала платонической любви (перечень, конечно, не полный, но в данном контексте достаточный).

4. Характерные черты amour courtois в её развитии

Характеризуя куртуазную любовь, во многом имеет смысл опираться на фундаментальное исследование Шишмарёва «К истории любовных теорий романского средневековья», содержащее доскональный анализ проблемы на обширнейшем материале сочинений и биографий трубадуров и труверов, а также других источников. Шишмарёв

полагал причиной происхождения куртуазной любви и утверждения её форм обстоятельства феодалного брака²⁰, который, по сути, являлся сделкой в средневековом обществе, исключающей брак по любви. Таким образом, любовь, вычеркнутая жизненной необходимостью из брачных отношений, каким-то образом должна была находить себе нишу. Этой нишей стала любовь к *domina*, замужней даме, стоящей выше по положению в обществе (фактически это воспроизводит отношение вассала и господина). Правда, О.С. Воскобойников указывает, что неправильно считать, будто брак в средние века не имел никакого отношения к любви; *fine amour* могла быть и со стороны супруга по отношению к его жене²¹. Ле Гофф считает (видимо, ссылаясь на Капеллана), что куртуазная любовь могла возникать и развиваться только вне брачных уз²² – в том смысле, что факт женитьбы, супружеских отношений, уничтожает любовь. Несколькими иначе на причины зарождения куртуазной любви указал Дюби, тоже, впрочем, отметив условия средневекового брака, как торговой сделки, в качестве значимых. По его мнению²³, невозможность брачных отношений у большей части дворян (младших детей, не имеющих наследства, бедных рыцарей), обуславливала их выбор в качестве объекта любви хозяйки двора – жены сеньора. В то же время это способствовало регуляции сексуальных отношений: либидо молодых дворян находило некое культурно приемлемое направление. Таким образом, главным объектом (идеалом) оказывается замужняя дама, жена господина, а субъектом молодой неженатый рыцарь. В определённом плане она выступает для него в качестве матери²⁴, и её роль поэтому в значительной степени воспитательная. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев о плотской реализации таких стремлений не могло быть и речи, и любовь предполагала постоянную

¹⁴ Там же. 206а.

¹⁵ Там же. 207а.

¹⁶ Там же. 210б.

¹⁷ Платон. Федр // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. 249е.

¹⁸ Там же. 256б.

¹⁹ Там же. 256д.

²⁰ Шишмарёв В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Избранные статьи. Французская литература. М.-Л.: Наука, 1965. С. 191.

²¹ Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300-1300). Очерк христианской культуры Запада. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 278.

²² Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2007. С. 94.

²³ Дюби Ж. Женщины при дворе // История женщин на Западе: в 5 т. Т. II: Молчание средних веков. М.: Алетейя, 2009. С. 255-256.

²⁴ Там же. С. 258.

дистанцию. Однако не стоит полагать, что молодой рыцарь не мечтал о физическом обладании, и что дама не могла сама захотеть ему отдаться – Хейзинга в этой связи приводит показательные примеры, свидетельствующие об обратном²⁵.

Андрей Капеллан в конце XII века был одним из тех, кто оказал ключевое влияние на формирование куртуазной любви, написав программный трактат «О любви» (как сообщает М.Л. Гаспаров, в Италии аналогичное влияние полвека спустя оказывает «Колесо Венерино» Бонкомпаньо Болонского²⁶). Существует интересная интерпретация этого трактата, выполненная Дюби – в соответствии с «трёхчастной моделью»²⁷, он пытается дать его адекватное эпохе толкование (впрочем, в другом месте Дюби сообщает, что средневековые «тексты имеют в высшей степени сложную символику, ключа к которой у нас больше нет»²⁸).

В сочинении Капеллана ясно указывается на то, что не все способны на высокую любовь. Например, простолюдины – те, кто занимается физическим трудом (поскольку они грубы, необразованны, не имеют должного воспитания). Так же проститутки не могут быть причастны к высокой любви, потому что они делают из любви труд.

Общество делится, по Капеллану, на простых, знатных, знатнейших и перовзнатнейших. Только последние три типа и могут претендовать на куртуазную любовь. Два средних – это придворные (надо полагать, в том числе рыцари, хотя термин «рыцарь» не появляется в трактате; не появляется он и в «Романе о розе»). Перовзнатнейшие же – это клирики²⁹. Т.е., клирику не воспрещается любить даму. Далее Капеллан среди простолюдинов выделяет тех, кто занимается не ручным трудом, а торговлей. Они стоят выше и вроде бы вправе претен-

довать на высокую любовь, но, всё же, в силу того, что вынуждены слишком много работать и рождены простолюдинами, должны выбирать объект для любви в своём кругу. Значит, и любовь к благородной даме для них закрыта. Все ограничены своим сословием. Даже, кстати, клирики: «и как клирики житьем их продолжительным во праздности и в изобильной пище предо всеми прочими людьми естественно предрасположены к искушению телесному, то если какой клирик возжелает подвергнуться под испытания любовные, то да будет он в речах таков, как то сословие и состояние, которому принадлежал он по истоку крови своей»³⁰. Потому что таков предустановленный порядок – каким бы ты не был достойным плебеем, твоё достоинство ничто по сравнению с достоинством барона. Капеллан, впрочем, отмечает, что любовь между разными сословиями всё же допустима, но в случае их смежности, например, между рядовой дворянкой и плебеем (но не наоборот – не между дворянином и плебейкой; в этом случае о любви речи быть не может)³¹. Показательно притом, что дворянин имеет право брать плебейку силой. В случае неравного брака, когда бедный дворянин отдавал свою дочь бесприданницу за обеспеченного плебея, статус плебея не менялся. Правда, есть некто, кто может изменить этот порядок и возвысить плебея, говорит Капеллан – это государь. Из этого Дюби делает, возможно, несколько неожиданный вывод о том, что трактат «О любви» в действительности прославляет власть монарха³².

В связи с указанием Андрея на наивысшее сословие, в том числе и в делах любви – клириков, интересен пример Пьера Абеляра. Следует оговориться, что период жизни Пьера Абеляра предшествует окончательной кодификации куртуазных отношений, однако конец XI и начало XII вв. – время, когда такая любовь уже фактически практиковалась. Странным выглядит утверждение Ле Гоффа о том, что образцом куртуазной любви стала именно любовь Абеляра и Элоизы³³. Очень сложно с этим согласиться, это противоречит основным

²⁵ Хейзинга Й. Осень средневековья. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 139.

²⁶ Гаспаров М.Л. Любовный учебник и любовный письмовник (Андрей Капеллан и Бонкомпаньо) // Жизнеописания трубадуров / Пер. со старопрованс. М.: Наука, 1993. С. 572-573.

²⁷ Дюби Ж. Трёхчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000.

²⁸ Дюби Ж. Женщины при дворе // История женщин на Западе: в 5 т. Т. II: Молчание средних веков. М.: Алетейя, 2009. С. 253.

²⁹ Капеллан Андрей. О любви // Жизнеописания трубадуров / Пер. с латин. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. С. 387.

³⁰ Там же. С. 388.

³¹ Там же. С. 387.

³² Дюби Ж. Трёхчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 306.

³³ Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2007. С. 95.

принципам куртуазной любви, о которых ещё будет сказано ниже. Если подойти к известной автобиографии Абельяра (к той части, где речь идёт о романе с Элоизой) без традиционных сексистских установок, то можно обнаружить, что Абельяр рассказывает весьма пошлую историю, далёкую от какой бы то ни было куртуазности. К тому же, Элоиза, в силу своего социального положения и не могла претендовать на статус *domina*. Но всё же, история подаётся, как история высокой любви, хотя вот что сообщает нам сам Абельяр: «Ведь поручив мне девушку с просьбой не только учить, но даже строго наказывать её, он предоставлял мне удобный случай для исполнения моих желаний и давал (даже если бы мы оба этого и не хотели) возможность склонить к любви Элоизу ласками или же принудить её [к любви] угрозами и побоями»³⁴. Далее он сразу добивается своего, они вместо занятий предаются любви и он бьёт её для конспирации. Забеременев, она в итоге уходит в монастырь, не желая утруждать учёного человека женитьбой (этому факту Абельяр посвящает долгие оправдания – хороший пример гендерного мышления). Очевидно, история Абельяра довольно резко контрастирует с тем идеалом любви клирика, который спустя полвека после его смерти воспел Андрей, и едва ли имеет какое отношение к куртуазности. В их случае не было ни предварительных страданий, ни ухаживаний, ни борьбы за вознаграждение (их любовная история наоборот фактически начинается с этого самого вознаграждения), ни любовных томлений в ожидании благоволения прекрасной дамы. Препятствия возникают собственно только тогда, когда Абельяр осклоплен.

Сложно сказать однозначно, могут ли какие другие, ставшие легендарными, сюжеты служить образцами куртуазной любви. Роман Тристана и Изольды, на которую опять же ссылается Ле Гофф (по ряду причин в расчёт не принимается известное переложение легенды Томасом Мэлори³⁵), содержит драматическую историю любви, вспыхнувшую случайно и страстно, опять же без ключевых для куртуазности прелюдий. Скорее, эта легенда повлияла на представление о любви, как высшей духовной ценности, что в свою очередь влилось в куртуазные представления. Вероятно, ближе к кур-

туазному идеалу история Ланселота и Гвиневры – жены его господина короля Артура (в изложении Кретьена де Труа³⁶).

Итак, куртуазная любовь – это любовь благородных (в том числе благородных и по духу, но с такими оговорками, что, по сути, она остаётся уделом лишь высших сословий). В реальности, разумеется, обиходные формы куртуазной любви могли распространяться не только на жену господина, это совершенно ясно из песен трубадуров. Жена сеньора – это идеал.

Несмотря на то, что куртуазная любовь исторически имеет вид любви к замужней даме, мотив эротического вознаграждения всё же присутствовал (особенно в начале). Действительно, эти отношения имели вид вассальных отношений, влюблённый – вассал, дама – как бы сеньор, а вассал был вправе требовать вознаграждения. «Если дама заставляет своего друга просить слишком долго, то он вправе покинуть её»³⁷. Дюби вообще указывает, что термин «любовь» в средневековом словаре означал не что иное, как плотское вождение, и что «по своим устремлениям куртуазная любовь не была платонической»³⁸. В целом, это, конечно, так, однако стоит всё же проследить историческое развитие куртуазной любви, чтобы усмотреть в ней платонические элементы. Странно, что Дюби так категоричен – мы обнаружим убедительные примеры, где едва ли может идти речь о сексуальном вознаграждении в принципе (более того, влюблённый о нём и не помышляет). Виды вознаграждения, которыми вправе дама одарить поклонника, как правило, таковы: улыбка, многозначительный взор, кольцо, перчатка, шнурок, поцелуй и, наконец, часто упоминаемое дозволение лежать рядом с дамой. Всё это знаки связи, союза³⁹. По поводу последнего пункта следует указать, что предполагается строго сдержанное поведение влюблённого: он лежит рядом с дамой, возможно обнажённой,

³⁴ Абельяр П. История моих бедствий / Пер. с латин. М.: Республика, 1992. С. 267.

³⁵ Мэлори Т. Смерть Артура: Роман-эпопея. В 8-ми кн. / Пер. с англ. И. Бернштейн. М.: Худож. лит., 1991.

³⁶ Chretien de Troyes. Lancelot: The Knight of the Cart. Yale University Press, 1997.

³⁷ Шишмарёв В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Избранные статьи. Французская литература. М.-Л.: Наука, 1965. С. 194.

³⁸ Дюби Ж. Женщины при дворе // История женщин на Западе: в 5 т. Т. II: Молчание средних веков. М.: Алетейя, 2009. С. 249-250.

³⁹ Шишмарёв В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Избранные статьи. Французская литература. М.-Л.: Наука, 1965. С. 196-197.

но не прикасается к ней и полностью контролирует себя (так, во всяком случае, видит дело Дюби). Шишмарёв склонен допускать, что это странное возлежание является «символическим актом, отражающим древние бытовые отношения», или даже попросту риторическим приёмом.

Однако достаточно скоро в песнях трубадуров начинает доминировать идея любви, как чистого, бескорыстного служения даме (такие настроения характерны для рубежа XII-XIII вв.). Влюблённый отныне должен удовлетворяться тем, что он любит, не рассчитывая на награду и радуясь страданию от неизбежной разделённости с возлюбленной. Вассал счастлив оттого, что дама позволяет думать о ней, служить ей, и высшая награда, знак того, что она позволяет служить, это благосклонный взгляд. Итальянец Сорделло, фактически ставший провансальским трубадуром, утверждал, что иные, более материальные знаки внимания огорчили бы его, и упаси боже от предложения возлечь рядом с дамой, «так как подобного приглашения он бы только устыдился»⁴⁰.

Перечислим некоторые характерные черты куртуазной любви в их развитии:

- Правила отношения влюблённого к даме таковы: он должен благоговеть перед дамой, быть верен ей, лоялен, куртуазен, подавлять гордыню⁴¹;
- Есть и воспитательные функции любви: любовь совершенствует, возвышает, делает благороднее, мужественнее, щедрее. Она заставляет поступать хорошо, следуя указаниям сердца. Любовь даже из труса делает храбреца и помогает в бою⁴²;
- Имеет значение и внешний вид любящего: любовь располагает его иметь хорошее платье, снаряжение, следить за причёской, красиво говорить и т.п.;
- Богатую иллюстрацию образа влюблённого даёт трубадур N^o At de Mons, которую взяли на вооружение последующие теоретики любви, в частности, такой влиятельный трубадур, как монах Матфре Эрменгауд: «Да знают истинные любовники, что движимый любовью гордец, становится смиренным, пошляк – мужественным, ленивец – энергичным, глупец – разумным,

невежа – хорошо воспитанным, отчаявшийся овладевает собой, печальный становится весёлым и радостным, хвастун – правдивым ... не куртуазный в куртуазного ... ничтожный – в достойного ... пошлый – в выдающегося»⁴³;

- Ещё один мотив, который становится важным сопутствующим элементом куртуазной любви, развивает трубадур Гираут Рикьёр (XIII в.). Это – страдание. Влюблённый должен страдать, желаемое не должно доставаться ему даром или легко. Однако награда, которая может избавить от страданий, не увеличивает любовь, «она может увеличить наслаждение любовью»⁴⁴;
- Другой значимый, провансальский поэт, Раймон де Корнет (первая половина XIV в.), предлагает делать различие между амап – любовником, и амауге – любящим. Первый выше второго, ибо он отдаётся любви безраздельно, в самом высшем её куртуазном смысле – как непорочному чувству, близкому к мистическому экстазу переживания божественного. В этой связи он говорит очень любопытные вещи, что истинная любовь (амап) так восхитительна, что он даже не умеет поведать о ней. И далее, он через отрицания, что напоминает технику апофатического богословия (см., например, Пьер Адо «Негативная теология»⁴⁵), он пытается описать, насколько она высока. «...ни знание, ни богатство, ни дочь, ни сын, ни жена, ни хорошее вооружение, ни что другое, она – рай, полный радости...»⁴⁶. Вот так. Интересно, что собственная жена не может быть предметом куртуазной любви. Опять же, это оказывается, видимо, следствием того, что брак в первую очередь мыслится как торговая сделка. Но есть и более тонкий нюанс – супружеские отношения уже не предполагают страданий, томлений и саморазвития на фоне воздержания, это уже сексуально реализованные отношения. Амап, по словам Раймона, руководствуется силой, которая заставляет двоих

⁴⁰ Там же. С. 198-199.

⁴¹ Там же. С. 195-196.

⁴² Там же. С. 200-201.

⁴³ Там же. С. 203.

⁴⁴ Там же. С. 207-208.

⁴⁵ Адо Пьер. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. М.; СПб.: Степной ветер, 2005.

⁴⁶ Шишмарёв В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Избранные статьи. Французская литература. М.-Л.: Наука, 1965. С. 212.

стремиться к нравственному совершенствованию, чем нет у обычного амауге. Под нравственным совершенствованием понимается длинный список добродетелей, главные из которых повторяются почти всеми поэтами, рыцарями и клириками, апологетами куртуазной любви;

- С точки зрения Раймона в раю истинным любовникам уготовано место⁴⁷;
- «Действие любви состоит в том, что истинный любовник скарденности не подвержен, что любовь даже человека грубого и невежественного заставляет блистать красотой, даже низкородного одаряет благородством нрава, даже надменного благодетельствует смирением, и всякое служение вершится любовником с великим благочинием. О, сколь дива достойна любовь ... научающая всякого изобиловать благими нравами! И ещё нечто в любви немалой похвалы достойно: любовь украшает человека добродетельным целомудрием...»⁴⁸;
- Матфре Эрменгауд указывает на воздержание от чувственных наслаждений, и добавляет благородство, весёлость, смелость, доблесть, привлекательную внешность и даже свежее дыхание. По поводу любви к жене Матфре сообщает, что любовь к жене в первую очередь преследует цель продолжения рода. Но настоящий, «лояльный» любовник «сверх того ... может любить лояльно дам вообще и девушек, не впадая при этом в грех»⁴⁹.

Развитие представлений об идеальной, непорочной, сверхчувственной любви к даме приводят к тому, что дама утрачивает черты реального человека и превращается в неземное существо⁵⁰. Здесь очевидно религиозное влияние: церковь диктует дозволенные сюжеты (в 1323 г. в Тулузе была основана Консистерия весёлой науки, которая фактически регламентировала поэзию трубадуров схоластическими нормами), и поэты, волей-неволей, вынуждены были искать такие формы, которые допустимы. В этом смысле перемещение *domina* в заоблачные вы-

соты, превращение её в Деву Марию – что означает фактически разрыв со всем земным – представляется логически оправданным. Можно ли такую идеализированную «даму» считать человеческим существом? Тут, возможно, было бы уместнее заговорить об эйдосе «дамы», её идее в платоновском смысле, к которой и обращено стремление души любовника. В средневековом христианском мире, естественно, не могло быть речи о *amour courtois* по отношению к какой-то абстрактной идее, именно поэтому образ дамы стал сближаться с образом Девы Марии. Предпосылки для этого возникают, правда, раньше: как указывает М.Л. Гаспаров⁵¹, ещё в конце XIII в. трактату Капеллана пытаются придать религиозный смысл – с сюжетом любви к Деве Марии. Трубадур XIII в., Гильом Монтаньяголь, буквально описывает даму, как неземное существо, сошедшее на землю из рая. На итальянской почве развитие этого мотива можно обнаружить у Данте в предельной идеализации образа Беатриче. Таким образом, куртуазная любовь из телесной области полностью перемещается в область духа.

5. Влияние *Roman de la Rose*

Однако, это только одна сторона воззрений на любовь, которые формируют облик куртуазности. Другая сторона обуславливается весьма далёким от традиционного религиозного содержания «Романом о Розе» (XIII в.).

«Роман о розе» создавался двумя авторами: Гийом де Лоррис поставил точку в интервале между 1225 и 1240, Жан де Мён завершил продолжение в интервале между 1268 и 1285. Содержание первой части романа, в предельно кратком пересказе таково. Герой Гийома де Лорриса – это он сам. Вначале он сообщает, что собирается поведать свой сон, который приснился ему довольно давно, но только сейчас он созрел для его осмысления и передачи. Во сне он идёт на прогулку и оказывается в чудесном саду, жители которого в основном – аллегорические персонажи (Радушный Приём, Страх, Злоязычие, Разум, Миловидность и т.п.). Поэт, прогуливаясь по саду, видит прекрасную Розу, и Амур поражает его многочисленными стрелами, каждая из которых содержит некоторые из ингредиентов куртуазной любви. Влюблённый хочет со-

⁴⁷ Там же. С. 226.

⁴⁸ Капеллан Андрей. О любви // Жизнеописания трубадуров / Пер. с латин. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. С. 386.

⁴⁹ Шишмарёв В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Избранные статьи. Французская литература. М.-Л.: Наука, 1965. С. 216-221.

⁵⁰ Там же. С. 219, 225.

⁵¹ Гаспаров М.Л. Любовный учебник и любовный письменник (Андрей Капеллан и Бонкомпаньо) // Жизнеописания трубадуров / Пер. со старопрованс. М.: Наука, 1993. С. 572.

рвать Розу (при поддержке Радужного Приёма), но тут появляются стражи Розы, которые всё портят. В конце концов, поэту удаётся поцеловать Розу, это обнаруживает главный антагонист виллан Опасность, который его изгоняет, лишая возможности приближаться к ней.

С одной стороны первая часть романа сохраняет традиции высокой куртуазности. Вот как Амур, выпустив стрелы в поэта, начинает наставлять его в делах любви (тут можно увидеть прямое влияние Андрея Капеллана):

*«Ты низости всегда беги
И честь свою ты береги.
Будь проклят тот, кто опустился –
Легко на подлость согласился
И пресмыкаться полюбил,
А куртуазность позабыл.
Вилланов подлость порождает,
Моё их сердце осуждает:
Они безжалостный народ,
Что лишь обманами живёт», и т.п.⁵²*

С другой стороны, текст романа изобилует ярко выраженной сексуальной символикой. Это и образ розы, это и ключ, которым запирает Амур сердце влюблённого, это и стрелы, которыми он его поражает, это башня, в которую заточают Радужный Приём, и палка виллана Опасности, которой он угрожает главному герою, зажжённая свеча, которую вкладывает Венера в руки поэту.

Более того, такие вроде бы положительные персонажи как Стыд, Разум и Целомудрие оказываются очевидной помехой на пути любви. Поэт восклицает:

*Себя бранить не позволяю
И слушать Разум не желаю.
Я буду сам себе судья
За то, что сердце отдал я⁵³.*

Фактически ещё у Гийома Лорриса прослеживается мотив удовлетворения плотской любви, как важный и значимый, происходит некое переверачивание ценностей. Герой хочет «сорвать бутон», целовать его, но Целомудрие мешает:

*Всегда она бывает против,
Чтоб уступить такой охоте –
Цветок влюблённым целовать⁵⁴.*

Продолжатель, Жан де Мён развил этот сюжет более решительно и смело, утвердив мысль о том, что целомудрие и стыдливость это плохо. Даже более того, это надругательство над Природой. Амур, Природа и Венера открыто призывают к свободному сексу. В итоге, главный герой, победив всех врагов при мощной поддержке, срывает Розу, рассуждая о том, что Разум и Ревность – главная помеха в любви.

Роман, таким образом, развенчивает идеал куртуазной любви. Но не уничтожает её, а видоизменяет. Он отрицает классические женские добродетели: стыд, честь и целомудрие – помеха. Это новое содержание достаточно резко контрастирует с принципами христианского вероучения, что не могло не послужить поводом для конфронтации между сторонниками и противниками Романа, которая была тем острее, чем популярнее был роман. Яростной противницей «Романа о Розе» выступила Кристина Пизанская (XIV-XV вв.). Она очень хорошо поняла, что в романе выражается исключительно мужская точка зрения, которая, в общем, сводится к тому, что женщина должна легко отдаваться мужчине, не чиня ему препятствий. В сочинении «О Граде женском» Кристина обращается к тем же аллегорическим персонажам, которых мы уже видели в «Романе о розе» – дама Разум, дама Справедливость (важно, что это именно дамы). Кристина взывает устами Справедливости: «Боже, сколько тяжких побоев без причины и повода, сколько оскорблений, угроз, унижений и жестокостей стойко снесли многие женщины, и ни одна ведь не завопила о помощи! А вспомни ещё и тех женщин, которые едва не умирают от голода и страданий, оставаясь дома с кучей детей, когда мужья их бражничают, шатаясь по пирушкам и городским тавернам, а когда возвращаются домой, то на ужин бедным женщинам достаются побои⁵⁵. Кристина утверждает, что женщины не ниже мужчины, не вещь, которой можно распоряжаться, и она имеет те же самые права (например, может заниматься науками, а это претензия на интеллектуальное равноправие).

⁵² Гийом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма / Пер. и комм. И.Б. Смирновой. М.: ГИС, 2007. С. 75.

⁵³ Там же. С. 103.

⁵⁴ Там же. С. 105.

⁵⁵ Кристина Пизанская. О граде женском // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV-XV веков. М.: Наука, 1991. С. 252.

У «Романа о розе» были и более серьёзные противники, например, современник Кристины, канцлер Парижского университета Жан Жерсон. Суть Романа он выводит следующим образом: «... все девицы должны продавать своё тело, поскорее и подороже, без стыда или страха, не останавливаясь перед обманом или нарушением клятвы»⁵⁶. Несмотря на огромный авторитет Жерсона, поколебать авторитет Романа и уничтожить его влияние не удалось – сторонников было больше, в том числе влиятельных клириков (например, настоятель кафедрального собора в Лилле Жан де Монтрёй).

Роман очень подробно проанализирован Йоханом Хейзинга в «Осени средневековья» в контексте обсуждения куртуазных отношений. Он указывает, что этот роман как никакой другой повлиял на повседневную жизнь средневековой Франции и Бургундии: его аллегорические персонажи вошли в обиходную речь, стали частью быта. И, что особенно важно, «Roman de la rose влил в формы куртуазной любви новое содержание»⁵⁷. В рыцарском идеале, во вполне фрейдистском духе, Хейзинга видит замещение неудовлетворённого желания⁵⁸. Речь идёт, конечно, о сексуальном желании. Нереализованное сексуальное желание замещается определёнными жизненными практиками, формируя куртуазную ментальность рыцаря. Хейзинга отмечает, что большое влияние на куртуазные отношения оказывают рыцарские романы, в первую очередь, это произведения Кретьена де Труа. Стремясь воплотить романтические образы этих романов в реальность, в XV в. учреждаются места поединков со специфическими названиями, вроде «Источник слёз» или «Путь дракона», где рыцари получают возможность сразиться ради дамы. Прославленный воин Бусико, известный своей приверженностью куртуазии, желая служить женщинам, даже учреждает Орден белой дамы на зелёном поле. Показательно учреждение в 1401 г. в Париже во время эпидемии чумы Суда любви (Cour d'amours). Там совершенно серьёзно обсуждались спорные любовные проблемы и отношения любовников. В состав суда входили как противники, так и сторонники «Романа о Розе». Но всё это скорее показывает, что к XV веку куртуазная любовь в значительной степени

утрачивает связь с реальностью, и превращается в некую игру, ностальгию по прошлому, приобретает вычурные литературные черты. В середине XV в. поэзия уже далека от куртуазного идеала, например, Вийон в знаменитом «Завещании» крайне иронически отзывается о любви⁵⁹ (в равной степени далёк он и от радостей любви, описанных в пасторальных – см. его «Противоположения Фран-Готье»). У Ариосто в XVI в. куртуазные отношения уже однозначно становятся атрибутом легендарного рыцарского прошлого. Вот что он заявляет в начале двадцать шестой песни «Неистового Роланда»:

*Благородны были прежние дамы,
Любя доблесть пуще златой корысти,
Ибо нынешним
Редко что любезнее прибыли*⁶⁰.

Более, идеал дамы прошлого у него доводится до абсурда: прекрасные героини Марфиза и Брадаманта настолько могучие и воинственные, что могут вышибить из седла почти любого рыцаря. Брадаманта сражается на равных со своим возлюбленным – сланным рыцарем Руджером.

Показательно, что ироническое, насмешливое отношение к куртуазной любви прослеживается ещё в начале XIV в.: Франческо да Барберино, побывав в Провансе, создаёт издевательский трактат «Предписания любви». В нём он переворачивает с ног на голову куртуазные ценности, делая вид, что наоборот воспекает их и вещает «устаами любви». В частности, он рассказывает такую поучительную историю в пересказе М.Б. Мейлаха «... о слабоумном из свиты (!), сопровождавшей некую графиню, проезжавшую через Бургундию, где он попытался изнасиловать деревенскую девушку, за что крестьяне убивают всех до одного провожатых графини и чуть не насилуют в свою очередь её самое. «Крестьяне, – добавляет да Барберино, – по причине того, что виновных в происшедшем было великое множество, не понесли наказания, что в высшей степени возмутительно»⁶¹.

⁵⁹ Вийон Ф. Я знаю всё, но только не себя. Баллады. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 48.

⁶⁰ Ариосто Лудовико. Неистовый Роланд. М.: Наука, 1993. С. 5.

⁶¹ Мейлах М.Б. Об одной ранней сатире на куртуазию: «Предписания Любви» Франческо да Барберино // Жизнеописание трубадуров / Пер. со старопрованс. М.Б. Мейлаха и Н.Я. Рыковой. М.: Наука, 1993. С. 581.

⁵⁶ Хейзинга Й. Осень средневековья. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 200.

⁵⁷ Там же. С. 184.

⁵⁸ Там же. С. 131.

6. Выводы

Тема куртуазной любви, тем не менее, продолжает жить до позднего средневековья. Несмотря на влияние «Романа о розе», сохраняется основная идея возвышенного отношения к даме, утончённого и благородного служения. Один из поздних исторических примеров этому приводит Хёйзинга – любовь Гийома де Машо и Марианны⁶².

Вообще, следы платонических отношений можно обнаружить в двух независимых явлениях: любовь к даме, как бескорыстное служение, облагораживающее любящего и возвышающего его над мирской суетой; и благородную мужскую дружбу. Вероятно, некий отпечаток платонического можно обнаружить в таком явлении средних веков, как миньоны – мужчины, близкие друзья мужчин, стоящих выше по положению. Хёйзинга это называет сентиментальной дружбой и замечает, что многие склонны видеть здесь параллель куртуазной любви, некую её форму, воплотившуюся в отношениях между мужчинами. Тут легко сделать шаг до любви в смысле Платона, но Хёйзинга категорически утверждает, что «Любой намёк, однако, на какое бы то ни было сходство с дружбой в греческом духе совершенно здесь неуместен»⁶³, несмотря на то, что: «Часто это два друга, одних лет, но различного положения, которые одинаково одеты и спят в одной комнате и даже в одной постели»⁶⁴. В XVI в. Монтень рассуждает о дружбе и приводит в пример свою дружбу с Этьеном де Ла Бозси, фактически описывая её в платонических терминах: «Наслаждение, сводясь к телесному обладанию и потому подверженное пресыщению, убивает её ... и так как наслаждение это духовное, то душа, предаваясь ему, возвышается»⁶⁵. И далее он говорит, что фактически они были одно целое и «растворились» друг в друге.

Примерно тогда же, но в другой части Европы, тоже являющейся наследницей куртуазной любви, Бенвенуто Челлини рассказывает о своей любви к Анджелике⁶⁶. В этой любви нет и следа

куртуазности, это не более чем упрямое желание обладать безраздельно предметом своей страсти. Заканчивается всё тем, что, добившись своего, он мигом теряет к ней интерес. В другой раз, без раздумий, по его словам, он уступает влюблённую в него Пантасилею своему другу Бакьякке, просто потому что та ему тоже нравилась. По-настоящему тёплых чувств Челлини устаиваются только мужчины, его друзья, например, Микеланджело и Асканио (хотя намёков на гомосексуализм, по всей видимости, не идёт, во всяком случае, Челлини отрешивается от таких подозрений). Скорее, это «платоническая дружба».

На этих и других примерах можно увидеть, что идеал куртуазной любви, в том виде, в каком он зародился и жил в поэзии трубадуров, с приходом Ренессанса умирает. Однако, как отметил Дюби: «Даже сегодня, несмотря на сдвиг в отношениях между полами, характерные особенности, унаследованные из ритуалов куртуазной любви, проглядывают в них, что наиболее заметно отличает нашу цивилизацию от остальных»⁶⁷. Трудно с ним не согласиться, действительно, дихотомия «дама-вассал» занимает прочное место в сознании обоих полов, как некий образец. Правда, если прежде дама – это жена сеньора, благороднейшая женщина, то теперь маска дамы примеряется всеми. Притом, антагонизм, порождённый творением Жана де Мена, сохраняется: если женщины хотят быть «дамами», то мужчины хотят поскорее рвать розы.

Подводя итог, следует ещё раз обозначить общие мотивы платонической и куртуазной любви. По сути, влюблённый средневековья (речь, кстати, в куртуазной литературе по большей части идёт о нём, а не о предмете его любви) тоже боговдохновенный – как и влюблённый Платона. Здесь тот же, что и у Платона, мотив облагораживания, совершенствования, одухотворения. Благодаря любви, преодолевающей плотские желания (а когда объектом любви становится Дева Мария, иначе и быть не может), влюблённый возвышается от земного к горнему, совершенствуя и обретая нравственные достоинства. Если истинных влюблённых Платона после смерти ждёт высшее существование в горнем мире, то и куртуазным влюблённым Раймона де Корнета уготовано место в раю. Таким образом, самые важные общие

⁶² Хёйзинга Й. Осень средневековья. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 309.

⁶³ Там же. С. 97.

⁶⁴ Там же. С. 98.

⁶⁵ Монтень М. де. Опыты. Эссе. М.: Эксмо, 2007.

⁶⁶ Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер. с ит. М. Лозинского. М.: Худож. лит., 1987. С. 145.

⁶⁷ Дюби Ж. Женщины при дворе // История женщин на Западе: в 5 т. Т. II: Молчание средних веков. М.: Алетей, 2009. С. 264.

характеристики это выделение особенного статуса влюблённого, мотив бескорыстного служения объекту поклонения и совершенствование через любовь, достигаемое за счёт отказа от физического удовлетворения. Любовь – это рецепт, дающий

приобщение к высшему смыслу через отказ от эгоизма и духовное саморазвитие. В то же время, черты, привнесённые в куртуазные отношения влиянием «Романа о розе» существенно отделяют их от платонического идеала.

Список литературы:

1. Абеляр П. История моих бедствий / Пер. с латин. М.: Республика, 1992.
2. Адо Пьер. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. М.; СПб.: Степной ветер, 2005.
3. Андрей Капеллан. О любви // Жизнеописания трубадуров / Пер. с латин. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993.
4. Ариосто Лудовико. Неистовый Роланд. М.: Наука, 1993.
5. Вийон Ф. Я знаю всё, но только не себя. Баллады. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
6. Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300-1300). Очерк христианской культуры Запада. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
7. Гаспаров М.Л. Любовный учебник и любовный письмовник (Андрей Капеллан и Бонкомпаньо) // Жизнеописания трубадуров / Пер. со старопрованс. М.: Наука, 1993.
8. Гийом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма / Пер. и комм. И.Б. Смирновой. М.: ГИС, 2007.
9. Гуревич П.С. Последствия сексуальной революции // Психология и психотехника. 2012. № 12(51).
10. Дюби Ж. Женщины при дворе // История женщин на Западе: в 5 т. Т. II: Молчание средних веков. М.: Алетейя, 2009.
11. Дюби Ж. Трёхчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000.
12. Еврипид. Медея // Древнегреческая трагедия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1993.
13. Жизнеописания трубадуров / Пер. со старопрованс. М.Б. Мейлаха и Н.Я. Рыковой. М.: Наука, 1993.
14. Кристина Пизанская. О граде женском // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV-XV веков. М.: Наука, 1991.
15. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2007.
16. Лоро Н. Theos, Thea: Богиня // История женщин на Западе: в 5 т. Т. I: От древних богинь до христианских святых. М.: Алетейя, 2005.
17. Мейлах М.Б. Об одной ранней сатире на куртуазию: "Предписания Любви" Франческо да Барберино // Жизнеописания трубадуров / Пер. со старопрованс. М.Б. Мейлаха и Н.Я. Рыковой. М.: Наука, 1993.
18. Монтень М. де. Опыт. Эссе. М.: Эксмо, 2007.
19. Мэлори Т. Смерть Артура: Роман-эпопея. В 8-ми кн. / Пер. с англ. И. Бернштейн. М.: Худож. лит., 1991.
20. Найман А.Г. О поэзии трубадуров // Песни трубадуров / Пер. со старопрованс., сост., предисл. и примеч. А.Г. Наймана. М.: Наука, 1979.
21. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993.
22. Хейзинга Й. Осень средневековья. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
23. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер. с ит. М. Лозинского. М.: Худож. лит., 1987.
24. Шишмарёв В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Избранные статьи. Французская литература. М.-Л.: Наука, 1965.
25. Andreas Capellanus. The Art of Courtly Love. N.Y.: Columbia University Press, 1960.
26. Chretien de Troyes. Lancelot: The Knight of the Cart. Yale University Press, 1997.
27. Chretien de Troyes. Perceval the Story of the Grail. Yale University Press, 1999.

References (transliteration):

1. Abelyar P. Istoriya moikh bedstviy / Per. s latin. M.: Respublika, 1992.
2. Ado P'er. Dukhovnyye uprazhneniya i antichnaya filosofiya / Per. s frants. M.; SPb.: Stepnoi veter, 2005.
3. Andrei Kapellan. O lyubvi // Zhizneopisaniya trubadurov / Per. s latin. M.L. Gasparova. M.: Nauka, 1993.
4. Ariosto Ludoviko. Neistovyi Roland. M.: Nauka, 1993.
5. Viion F. Ya znayu vse, no tol'ko ne sebya. Ballady. M.: EKSMO-Press, 1999.
6. Voskoboynikov O.S. Tysyacheletnee tsarstvo (300-1300). Ocherk khristianskoi kul'tury Zapada. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
7. Gasparov M.L. Lyubovnyi uchebnik i lyubovnyi pis'movnik (Andrei Kapellan i Bonkompan'o) // Zhizneopisaniya trubadurov / Per. so staroprovans. M.: Nauka, 1993.
8. Giiom de Lorris, Zhan de Men. Roman o Roze. Srednevekovaya allegoricheskaya poema / Per. i komm. I.B. Smirnovoi. M.: GIS, 2007.

9. Gurevich P.S. Posledstviya seksual'noi revolyutsii // Psikhologiya i psikhotehnika. 2012. № 12(51).
10. Dyubi Zh. Zhenshchiny pri dvore // Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. II: Molchanie srednikh vekov. M.: Aleteiya, 2009.
11. Dyubi Zh. Trekhchastnaya model', ili Predstavleniya srednevekovogo obshchestva o sebe samom / Per. s fr. Yu.A. Ginzburg. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.
12. Evripid. Medeya // Drevnegrecheskaya tragediya. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993.
13. Zhizneopisaniya trubadurov / Per. so staroprovans. M.B. Meilakha i N.Ya. Rykovo. M.: Nauka, 1993.
14. Kristina Pizanskaya. O grade zhenskom // «Pyatnadsat' radostei braka» i drugie sochineniya frantsuzskikh avtorov XIV-XV vekov. M.: Nauka, 1991.
15. Le Goff Zh. Rozhdenie Evropy. SPb.: Aleksandriya, 2007.
16. Loro N. Theos, Thea: Boginya // Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. I: Ot drevnikh bogin' do khristianskikh svyatykh. M.: Aleteiya, 2005.
17. Meilakh M.B. Ob odnoi rannei satire na kurtuaziyu: "Predpisaniya Lyubvi" Franchesko da Barberino // Zhizneopisaniya trubadurov / Per. so staroprovans. M.B. Meilakha i N.Ya. Rykovo. M.: Nauka, 1993.
18. Monten' M. de. Opyty. Esse. M.: Eksmo, 2007.
19. Melori T. Smert' Artura: Roman-epopeya. V 8-mi kn. / Per. s angl. I. Bernshtein. M.: Khudozh. lit., 1991.
20. Naiman A.G. O poezii trubadurov // Pesni trubadurov / Per. so staroprovans., sost., predisl. i primech. A.G. Naimana. M.: Nauka, 1979.
21. Platon. Pir // Platon. Sobranie sochinenii v 4 t. T. 2 / Per. s drevnegrech. M.: Mysl', 1993.
22. Kheizinga I. Osen' srednevekov'ya. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2011.
23. Chellini B. Zhizn' Benvenuto, syna maestro Dzhovanni Chellini, florentintsa, napisannaya im samim vo Florentsii / Per. s it. M. Lozinskogo. M.: Khudozh. lit., 1987.
24. Shishmarev V.F. K istorii lyubovnykh teorii romanskogo srednevekov'ya // Izbrannye stat'i. Frantsuzskaya literatura. M.-L.: Nauka, 1965.
25. Andreas Capellanus. The Art of Courtly Love. N.Y.: Columbia University Press, 1960.
26. Chretien de Troyes. Lancelot: The Knight of the Cart. Yale University Press, 1997.
27. Chretien de Troyes. Perceval the Story of the Grail. Yale University Press, 1999.